

СПЕХОВЦЫ

Герою Советского Союза
Фёдору Яковлевичу Спехову

Броня крепка, но дело – не в броне.
Чтоб заказать врагам Руси поминки,
Ты закалил характер свой в огне,
Имея душу парня из глубинки.

Александр Злыгостев.

Спорым шагом, пыля сапогами по песчаной равнине, к комкору Жукову приближался невысокий коренастый танкист в поцарапанном осколками ребристом шлеме. На ходу он уже успел кое-как оттереть копоть с лица, наскоро отряхнуть свой комбинезон – не до блеска, а с легким форсом, чтоб издалека видать было: не штабной шаркун идет, а боевой командир. До конца он не был уверен, хвалить его будет командующий или чехвостить, но, ещё издали приметив сдержанные улыбки окруживших Жукова командиров, всё-таки больше рассчитывал на первое.

Старший лейтенант Спехов по вашему приказанию прибыл!

– Так вот ты какой, «Бог огня»? – Жуков оценивающе прищурился, любуясь молодцеватым танкистом.

Сегодня танкисты были именинниками. И он вместе с ними, потому что одержал свою первую большую победу. Меньшей, чем ожидали в верхах, кровью, обхитрив врага, заставив воевать его так, как задумал он, Жу-

ков, а не как они там у себя в штабах планировали. И впервые не на учениях, не в теории, а в жестоких боях он увидел реальную ударную мощь броневых машин. Потрясающую!

Еще два часа назад высота Баин-Цаган была японской. Как хвалились враги – неприступной твердыней, о которую разобьются большевистские орды. Поначалу, казалось, так и было: взяв первую полосу укреплений, наша пехота залегла, а танки и броневики попали под кинжальный артогонь. Жуков хотел уже устроить разнос командирам и приказать им сменить тактику, но вдруг прямо за позициями японцев выросли яркие огненные столбы, начали рваться боеприпасы, а из окопов слышался жуткий вопль горящих заживо людей. Это огнеметные машины ХТ-26 6-й легкотанковой бригады обходным манёвром прорвались в тыл обороны противника и, словно всадники апокалипсиса, начали выжигать самураев из их нор. Танки сметали на своём пути артиллерийские батареи, давили гусеницами пулемётные гнёзда, расстреливали разбежавшихся в панике японцев. Воодушевлённые успехом советские бойцы и монгольские *цирики*¹ ворвались в траншеи и довершили дело, водрузив над Баин-Цаганом красный флаг Победы.

– Кто это там так напышкарил у японцев, что аж здесь жарко? Твои? – спросил Жуков у комбрига Павёлкина.

---

¹ Цирик – здесь: военнослужащий (рядовой) монгольской армии

– Так точно, мои. Замкомроты старший лейтенант Спехов со своими «спеховцами», – не без гордости ответил тот.

– Спехов, Спехов, – призадумался Жуков, который всегда старался запомнить всех своих подчинённых. – Это не тот ли, что три дня назад проутюжил японскую артиллерию? Как блин раскатал. Вовремя он тогда поспешил! И людей не насмешил. Японцев-то уж точно плакать заставил...

И вот этот самый Спехов стоит перед ним навытяжку и деликатно, но смело и внимательно разглядывает командующего, которого тоже впервые видит так близко.

– Как звать? Откуда родом? – начал обычный для отцов-командиров расспрос Жуков.

– Фёдором... Фёдором Яковлевичем! Кхм, Фёдором, товарищ командующий...

«И чего это я мямлю», – мысленно укорил себя Спехов и продолжил уже бодрее:

– Деревня Верх-Речки, – но сообразив, что это простецкое название ничего командующему не скажет, снова смутился, пытаясь расширить родную географию. – Это рядом с Павловским заводом, от Очёрского недалеко, вернее – от Перми. Город такой на Каме. Большущий. Там писатель Мамин-Сибиряк жил. На Урале...

– А что застеснялся-то, Фёдор? Хорошее название – Верх-Речки. Как родник, Русью звенит, – на обычно каменно-властном лице Жукова на мгновение появилось мечтательное выражение, взгляд его рассеялся, суровая складка на переносье словно растаяла. Может, вспомнил он родную Стрелковку, посеревший от старо-

сти щербатый плетень поскотины¹, стога золотистого сена на взгорке, кое-как крытый неокрамлённым тёсом домик, мать-старушку, согнувшуюся над подойником, убегающий вниз к реке из криницы каменистый ручей. – Да-да, как родник журчит...

И вдруг разом преобразился – вскинул подбородок, озорно подбоченился и, подмигнув окружающим, протрещал задиристой калужской скороговоркой, что так не вязалась с зычным рокотом его командного голоса:

– Хе, я выть, Хвёдор, тудыть-сюдыть, тож в дя-рёвне родимшись, и вон ышь в каковы чины пролеж!

Все, кто находился рядом, на секунду опешили, а потом раздался такой оглушительный хохот, что можно услышать только на русских сельских ярмарках по большим праздникам. Но и здесь, в Монголии, повод для веселья всё-таки был. Врага разбили наголову – в фарш, в капусту... Даже кичливые своим врождённым бесстрашием самураи были потрясены смертным ужасом, и теперь в их генах, похоже, навсегда останется память позора и страха перед русским солдатом, что превзошёл их в битве. Вот они – герои: усталые, прокопченные палящим солнцем и дымом боёв, открыто, белозубо смеющиеся над смертью и над тем, что теперь уже, похоже, не надо будет больше умирать. Ну, а если всё-таки придется, то уж ладно, не впервой – не два же раза...

– И про Пермь я тоже проходил, – улыбнулся Жуков. – Не в школе, а здесь, на Халхин-Голе, узнал, что вы за

---

¹ Поскотина – пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью

такие пермяки – солёные уши. Без твоих земляков нам бы трудно тут пришлось. Правда, сперва они шалаяй-валяй воевали, некачественно, неумело, как драчуны дворовые. Что с них взять было – необученные, необстрелянные, а их сразу в пекло. Теперь-то с этой дивизией я сам готов в огонь и воду идти, хоть к черту на рога, но какой крови это стоило... Запомни, Спехов: в бой вести людей легко – они, если потребуется, и сами пойдут, не из-под палки. Хорошие у нас люди! Советские! Но если поведешь их наобум, не обучив как следует, всех хороших и погубишь ни за грош. Одни плохие останутся, и ты будешь первый среди них плохиш. А с плохими много не навоюешь – только навоеешься...

– Учту, товарищ командующий! – козырнул Спехов. – Только среди танкистов плохишей не водится. Плохого танк к себе не подпустит – обязательно лягнёт!

Жуков, как старый кавалерист, шутку оценил и снова от души рассмеялся.

«Смышленный малый! Читает бой не только по уставу, но и далеко вперёд. То, что перед самураями не дрейфит, – это еще полкомандира. Тут, на Халхин-Голе, храбростью никого не удивишь. А что не сдрейфил без тёщинных подсказок и дядиных приказов в тяжёлой, когда промедление смерти подобно, обстановке принял самостоятельное решение и жутких потерь избежал, взял на себя всю полноту ответственности – это уже командир полноценный», – Георгий Константинович понимал, что только с такими командирами можно будет победить в будущей войне. А что она будет, и совсем не такой, как

здесь, в песках Монголии, а куда страшнее и дольше, Жуков не сомневался.

– Желаю успеха, товарищ Спехов! – нечаянно скалмбурил командующий. – Вот видишь, пермяк – к правильному, нужному на войне слову твоя фамилия рифмуется.

***

– Внимание! Отставить – и марш на исходную! – устало скомандовал невысокий коренастый майор с Золотой Звездой Героя на гимнастерке. – Оттуда все сначала, по моему сигналу! Командиры машин – ко мне!

Несколько танков Т-34, коротко рыкнули моторами, будто выругались в сердцах, и медленно начали сдавать задом в сторону лесной опушки. Их командиры, тоже поругиваясь и чертыхаясь вполголоса, направились к майору.

– Да он нас так ещё до боя замотает! Довёл до ручки – хуже фашиста...

– У меня и по вождению, и по стрельбе – неуд. А в «учебке» я лучшим был!

– И поделом тебе, Курочкин! Вместо того, чтобы в институте на воензанятиях матчасть изучать, ты в Перми по «козьему загону»¹ за девчатами фланировал, глазками по ним стрелял. А на майора Спехова твои замечательные глазки, хоть убей, не действуют!

---

¹ «Козьим загон» пермяки раньше называли сквер им. Ф. М. Решетникова, который находится на берегу реки Камы между улицами 25-го октября и Сибирской

– Трави-трави. Сам-то много у него преуспел? Когда задачу «танк в разведке» отрабатывали, что он тебе сказал? Ты, говорит, из люка выглядываешь, словно из главной дыры деревенского сортира, и видишь ровно столько же, разведчик...

– Капониры¹ рыть заставил... А на какой лешак нам тут капониры? От кого мы прячемся – от ворон? И так сил нет, комбез хоть выжимай...

– Сразу видать, не бомбили тебя. А то б не только свой танк, а всю бригаду в землю закопал!

– Строевик – чёрствая душа! Ему эти железные коробки дороже наших жизней.

– А ведь ещё, земляк, братцы! Слыхал, будто очёрский он, от моей Нытвы вёрст тридцать всего. Негоже так со своими обращаться, не по-людски...

Когда 30-й Уральский добровольческий корпус после сражения на Курской дуге перевели в резерв, остатки Молотовской и Челябинской танковых бригад влили в Свердловскую, где личный состав был почти сплошь без боевого опыта. На счастье командира бригады, к нему временно назначили нового заместителя по строевой – майора Спехова. Тот, хотя еще и не совсем оправился после тяжёлого ранения, рьяно взялся за боевую учёбу. Ни сна, ни отдыху не давал он танкистам. Спехов ценил, что все они пошли воевать добровольцами, однако видел, что военная подготовка у бойцов и офицеров хромает. Почти все из запаса, прямо от станков и кульма-

---

¹ Капонир – огневое оборонительное сооружение для ведения флангового или косопрямельного огня

нов – всё, что в армии проходили, уже позабывали давно. А многие и не служили вовсе.

– Вот что, землячки! – предупредил их Спехов. – Радовать фрицев я не собираюсь. Нагляделся я на таких «Якалок», «ВСЁМОГУкалок» да «УРАкалок» – неучей, что кострами горели. Так что, не взыщите, поблажек от меня ждать нечего.

И гонял их Спехов так, что не то, что люди – казалось, танки потели! Он хорошо помнил наказ Жукова...

Как всегда, последними с полигона уходили механики-водители.

– На вас, товарищи мехводы, лежит огромная ответственность за машину и за весь экипаж, – наставлял их Спехов. – Так что ни за рабоче-крестьянское происхождение, ни за политическую грамотность и моральную устойчивость скостить вам ошибки в вождении танка я не имею права. Согласны?

– Так то-очно! Чего уж... Эх, доля наша... Понимаем, не маленькие, – уныло вздыхали танкисты.

– Ну, раз так, продолжим. Гурин, Муштаков, Кабиров – к машинам!

– Чего вы на меня уставились, сержант? – спросил Спехов молодого механика-водителя, что замешкался, пристально вглядываясь в его лицо.

– Товарищ майор, очень уж вы сильно на одного хорошего человека машете.

– На киноартиста, что ли? На Николая Крюкова? – усмехнулся Спехов. – Не подлизывайтесь, Гурин! Всё равно, пока учебные задачи не освоите, в бой не пойдете. Не задерживайте людей – к машине!

– Да не-ет! Я вовсе не про это! Мастер у нас в цехе – вылитый вы. И фамилия одинаковая. Лучший токарь в Свердловске!

– Постой-постой... Неужели Пашка?!

– Вам, может, и Пашка, а на заводе он – Павел Константинович. Легендарная фигура – рабочая косточка!

– Так ты с «Уралмаша»? Что ж ты раньше молчал, обормот такой! – Спехов потряс Гурина за плечи. – Ну, рассказывай, дорогой мой, как он там? Здоров ли? Ноги у него, понимаешь, плохо ходят... Ему процедуры разные нужны, лекарства, питание, молоко, носки вязанные...

– Да что рассказывать? – Гурин, конечно, мог повесть Спехову, как голодают и валятся с ног от усталости рабочие, что дают фронту самое грозное оружие – танки. Что ноги, по всей вероятности, Павлу Спехову лечить некогда. Поэтому, чтобы лишний раз не мучить себя, он не идет домой после смены, а остается ночевать прямо в цехе. Что молоко ему, наверное, только снится, и половину скудного пайка Спехов скармливает своим ученикам, пятнадцатилетним пацанам, которые наравне со взрослыми вкалывают на производстве, но буквально слепнут с голодухи, а норму выполнять как-то надо. А холодина в цехах бывает такая, что никакие носки не помогут – работой только и согревается.

Но сказал совсем другое:

– Вы знаете, его же недавно орденом Ленина наградили! Павел Константинович целое трудовое движение организовал – Спеховское! Это вроде как Стахановское, но только ещё мощнее! – Гурин в горячке не заме-

тил, как от избытка чувств тукнул Фёдора Яковлевича ладонью в грудь. Тот, впрочем, тоже не заметил, с искренним интересом слушая похвалы брату, которого не видел, почитай, тысячу лет, с тех далеко довоенных пор, когда они бродили с ружьишками по лесным урочищам близ Павловского завода.

– Он ведь столько парней вырастил! Совсем ещё кугу зелёную за полгода так натаскал, что они каждую смену план перевыполняют, того и гляди по всем статьям обставят своего мастера. Одно слово – спеховцы! А теперь и другие наставники его методу переняли, и не только на «Уралмаше». Так что будут у нас танки, много будет, – горячо продолжал Гурин, но вдруг осёкся и вздохнул: – Хотя трудновато, конечно...

Спехов и сам чувствовал, что Гурин бодрится из деликатности, наивно пытаясь скрыть всю правду. Крепкая броня каждой «тридцатьчетверки» слита не только из металла, но и пота, крови и даже жизней тех, кто пал не от фашистской пули, а прямо на рабочем посту. Кто считал эти потери, хотя они тоже самые настоящие боевые? Дорого, ох, как дорого даётся Победа...

И слышавшие рассказ Гурина танкисты мысленно поклялись, что будут беречь свои машины пуще любимой девушки, а если уж придётся гореть – на то и война, то не зазря, а желательно вместе с фашистами.

– Я ведь тоже из бывших «спеховцев», товарищ майор, – сказал Гурин. – Нас в корпусе много таких.

– Почему же бывших? – улыбнулся Федор Яковлевич. – Из самых настоящих! И будет ещё больше – я ведь тоже, как-никак, Спехов! Павел с вас на «Уралма-

ше» стружку снимал, а тут, на фронте, моя очередь. Так что, не обижайтесь, «спеховцы»! Всем экипажам – на исходную!

Спехов, конечно, понимал, что это лишь полдела – научить танкистов метко стрелять и виртуозно водить машину. На войне важно и другое – чувство локтя, боевого братства. И воспитывается это чувство не на полигоне...

...В ночном бою на Брянщине погиб лейтенант Бородулин. Товарищи не смогли найти его тела в темноте и вернулись в расположение.

– Где ваш командир? – строго спросил их Спехов.

– Убит! – понуро ответил один из танкистов. – Я сам видел.

– Это я уже понял. Но я спрашиваю – где он?

Повисло тягостное молчание.

– Построить батальон! – приказал Спехов комбату Аверину.

– Не нашли мы его. Темно было. Устали как собаки... Завтра отгоним немца и отыщем, – не поднимая глаз, смущёнными, неуверенными голосами забормотали бойцы в шеренге.

– Погиб наш боевой товарищ. Вынести его прах с поля боя – святая обязанность. Добровольцы – два шага вперед!

Спехов понимал, что если никто из этих молодых солдат, только что выживших в своём первом бою, сейчас не шагнёт, то за убитым лейтенантом придётся идти

ему. Иначе все его громкие слова не будут иметь никакого смысла. Просто приказать Спехов тоже не мог, иначе эти парни, что только начинают свои боевые биографии, не поймут чего-то очень для себя важного. Каждый из них должен сам был проникнуться уверенностью, что командир, посылая солдата в бой, иногда на верную смерть, никогда не бросит его – ни раненого, ни мертвого, что товарищи вынесут его, рискуя своими жизнями, не оставят на поругание. И тогда ему не так страшно будет идти в атаку и, главное, гораздо спокойнее.

И Спехов облегчённо вздохнул, когда весь батальон, танкист за танкистом, шагнули из строя...

Ученики не подвели своего наставника. Когда в первый день апреля 1945 года гвардии подполковник Спехов повёл бригаду в свой последний бой и был смертельно ранен осколками вражеского снаряда, товарищи без приказа, под жутким огнём противника на своих плечах вынесли своего командира. Он хорошо их учил. Одно слово – «спеховцы»!